

Тот же Альфа, что и раньше, казалось, был хозяином вечера, управляя происходящим.

— Мистер L впервые в Бофэйли, и, возможно, станет одним из нас. Вы можете свободно демонстрировать, чтобы открыть ему глаза.

Как только он закончил, одна женщина-Альфа встала. Даже с закрытой половиной лица её красота и гордость были неоспоримы. Её алые губы приоткрылись:

— В таком случае, у меня есть новоприобретённый «котёнок», — она опустила руку, и мальчик с разноцветными глазами и золотистыми волосами сразу же, как котёнок, выполз из-под её юбки, лаская её руку. — Но в последнее время он немного капризничает, не слушается, и его нужно немного воспитать, — она слегка кивнула в сторону Ци Шоулиня. — Пусть это будет для вас развлечением, извините за посредственность.

Чи Янь никогда не знал, что кто-то может получать удовольствие от порки. Женщина-Альфа, держащая кожаный кнут, била Омегу, словно рисовала картину, представляя её зрителям. Его стоны, рыдания и крики служили музыкальным сопровождением. На теле Омеги были «яркие мазки» и «пустые места», его соски стали ярко-красными, дрожа на розовой коже. Между его ногами уже текла влага. Его хозяйка, казалось, тоже была возбуждена этой сценой, и закончила «представление» страстным поцелуем, словно в последний раз.

Чи Янь почувствовал, как его щёки загорелись, но внутри ему было неловко, и он постепенно опустил голову, тихо вдыхая воздух. В этот момент перед ним появился стакан воды, и он инстинктивно потянулся за ним, но его насильно поднесли к губам. Подняв глаза, он увидел Ци Шоулиня, смотрящего на него сверху вниз. Ему пришлось открыть рот и пить из рук Ци Шоулиня. Он пил так быстро, что вода потекла по подбородку. Ци Шоулинь вытер её, проведя пальцем от горла до подбородка, медленно и с лёгким нажимом, несколько раз повторив движение. Чи Янь почти задержал дыхание, всё его тело, казалось, ощущало только те места, где его касался Ци Шоулинь.

Увидев это, ведущий Альфа усмехнулся:

— Мистер L, вы действительно заботитесь о своём «любимце».

Он вылил воду из стакана на подлокотник, и его «раб» поднял голову, принимая немного влаги от хозяина. Ци Шоулинь поставил стакан, но руку не убрал. Сначала он надавил на правое плечо Чи Яня, затем медленно провёл вверх к шее, большим пальцем поглаживая его подбородок. Чи Янь, следуя движению руки Ци Шоулиня, наклонил голову и прижался к его ноге. На самом деле он только хотел сделать вид, что прижимается к брюкам Ци Шоулиня, и этого было бы достаточно. Но Ци Шоулинь не ослаблял нажим, заставляя его плотно прижаться к ноге. Чи Янь потерял равновесие, и одна рука инстинктивно схватилась за штанину Ци Шоулиня, а другая — за его ногу. Это выглядело как проявление зависимости. Ци Шоулинь, казалось, получил удовлетворение, и его голос звучал радостно:

— Я не могу сравниться с вашими достижениями, просто... он мне нравится.

— Вы шутите, раз он рядом с вами, наверняка у него есть что-то особенное? Почему бы вам не показать нам? — кто-то предложил.

Ци Шоулинь на мгновение остановил поглаживание, затем продолжил.

— Вы так тепло меня приняли, было бы невежливо отказываться...

Чи Янь почувствовал, будто его сердце сжали.

— Я здесь впервые, и у меня нет такого опыта, как у вас, если я сделаю что-то не так, это испортит настроение, — он услышал голос Ци Шоулиня над собой. — Тогда... пусть будет «человеческое блюдо».

— Просто помни, не двигайся, — Ци Шоулинь посмотрел в глаза Чи Яня, прежде чем его увели мыть. — Я не позволю тебе пострадать.

Чи Янь позволил себя мыть. Сначала его облили тёплой водой, удалили волосы на ногах и подмышках. Затем облили горячей водой, сняли омертвевшую кожу, и, наконец, облили ледяной водой. Его положили на деревянный поднос, завязали глаза шёлковой тканью и заткнули уши воском — теперь он был сосудом, ему больше не нужны были зрение и слух. Лосось, дающий силу, был положен на сердце; меч-рыба, помогающая пищеварению, — на живот; гребешки и карп, усиливающие сексуальную энергию, — на гениталии... Его худощавое, но с тонкими мышцами тело, из-за редкого пребывания на солнце, контрастировало с тёмными конечностями, что создало образ «бамбука». В конце ему велели держать во рту цветок, сделанный из замороженного вина, который медленно таял, словно слёзы.

Чи Яня подвезли к центру. Он слышал, как кто-то говорил, но не мог разобрать, кто и что. Они, казалось, сначала оценили «сосуд», а затем начали есть. Что-то холодное касалось его тела и убиралось — это были они, берущие еду. Он не мог даже глубоко дышать, не говоря уже о том, чтобы сжать кулаки, только ногтем указательного пальца впивался в бедро. Со временем тело, облитое ледяной водой, вернуло свою нормальную, слегка повышенную температуру. Крем, украшавший его грудь, начал таять, и кто-то обнаружил сокровище.

Чи Янь был с втянутыми сосками — это нормальная черта людей. Сосочки были хорошо спрятаны внутри, даже ареолы были небольшими, цвета светлого чая. Сначала кто-то размазал ещё не совсем растаявший крем по всей груди, затем кончиком палочек ткнул в щель. Чи Янь вздрогнул, но команда Ци Шоулиня звучала в его голове: помни, не двигайся.

После многократных попыток сосочки всё же не выходили, и их наказали — вилкой раздвинули щель, вытащили и зажали палочками, не позволяя вернуться внутрь, только чтобы играть с ними.

Высший принцип «человеческого блюда» — полное служение, развлечение и подчинение. Терпеть неподобающее поведение и грязные шутки, терпеть унижения и насмешки. Чи Янь не был обучен этому, и теперь он уже не мог сдерживать мелкие движения и дрожь. Эта неопытность, казалось, ещё больше заинтересовала гостей в «сосуде».

Его губы сжались, подбородок дрожал, холодное вино текло по уголкам рта по щекам. Если бы не повязка на глазах, слёзы текли бы так же.

Что-то влажное и горячее коснулось его щеки, слизывая вино, и ухватилось за цветок. Раньше использовали только инструменты, но теперь кто-то действительно коснулся его тела губами! Чи Янь хотел закричать, но, едва открыв рот, его губы были захвачены вместе с цветком. Острые края льда порезали слизистую, и он почувствовал вкус крови. Но он не мог убежать. Человек целовал его, давая немного воздуха, когда он уже задыхался, но целовал так нагло, что, куда бы ни пытался спрятаться его язык, это выглядело как ответный поцелуй. Прозрачный ледяной цветок во рту, под светом, в глазах всех, сверкал, как драгоценность. Их языки, через цветок, сплелись, и, когда он растаял, их языки напрямую, грубо и пошло соприкоснулись.

Когда его вернули, Чи Янь ещё некоторое время лежал на подносе, прежде чем медленно сел. Механически пошёл в душ, чтобы смыть липкий крем, соус от морепродуктов, вино, которое на него пролили...

Чи Янь опустил голову, позволив сильной струе воды омыть его спину, а слёзы текли, скрытые водой.

После такого обращения... он... возбудился.

Да... не двигайся, и тебя не обидят.

Но его сердце было уже изранено.

*

И это ещё не всё, сюрприз, не так ли?!

Когда же будет настоящая сцена, какой сюжет использовать? Чесать голову.

<http://bllate.org/book/15527/1380337>